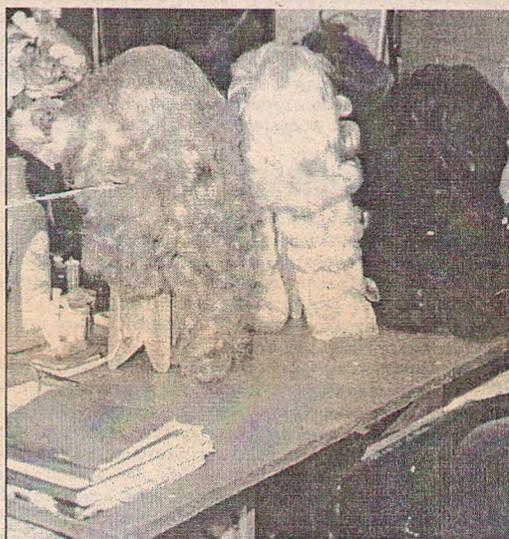

ВТОРОЙ ФРОНТ

Как-то раз мы с фотографом Мачулиным решили восстановить справедливость. Не слишком глобальную, но вполне претендующую на дело принципа. Согласитесь, что изнежившись в мягких театральных креслах, наслушавшись сладкогласных героев и налюбовавшись на вечно свежих как розы героинь, в конце концов неудержимо тянет узнать: а что было ДО? И что бывает ПОСЛЕ? И вообще, КТО стоит за всем этим праздником жизни? По всему по этому, мужественно предвидя в свой адрес упреки, тухлые яйца и гнилые помидоры от ревнителей театральной тайны, мы отправились в мастерские Театра оперетты.

Пролог

В поисках бойцов невидимого фронта режиссер Потылицин настойчиво приглашал нас пройти направо. По направлению режиссерской дпани располагался кабинет, в нем - письменный стол, а за столом цветущий мужчина в костюме и галстуке. Каждые полсекунды предметом, напоминающим не то дырокол, не то печать фирмы «Tgodat», мужчина методично воздействовал на бумагу.

- Вот, - порекомендовал режиссер, - это наш замдиректора. Так сказать, тоже вспомогатель-

ная сила...

Не проникнуться уважением к усилиям г-на замдиректора мы не могли. Но подойти так и не решились. Нас можно понять: люди пришлые, все в иллюзиях, и уж первого-то бойца ожидали увидеть на белом коне. И в латах. Ладно, уговорили, в каске. Хорошо-хорошо, ну хоть бы ножки у его стола были по-театральному приятно скрючены...

Словом, не оправдав и не поддержав, с глаз серьезных людей мы стыдливо ретировались. К людям менее серьезным. И были вознаграждены.

Господин оформитель

Владимир Илюшин работает в театре уже 41 год. Художником. Начинать декоратором, вырос в постановщика. И кабинет у него что надо - пара шпаг на столе, эскизы по стенам, галантные девушки из гипса за стеклом. На вопрос: «Почему театр?» Илюшин отвечает не задумываясь: «Таинство!»

В это загадочное Таинство в противовес банальной Тайне легко верится - театр, хоть разложи его по полочкам, все равно остается загадкой даже для тех, кто видит его изнутри. Ну, например, как из маленькой картиночки эскиза получить полотно в тринадцать метров? Ведь то, чему на эскизе достаточно мазка, в натуральную величину требует двухметрового решения!

И вот тут мы подходим к двум основным (но не последним!) постулатам театральной специфики. Постулат первый: все начинается с художника. То есть, конечно, главный-то все равно режиссер, он диктует идеи и видение спектакля, иными словами - каркас будущего действия. Художник же - человек, придумывающий, как этот самый идейный каркас нарастить декоративным «мясом».

Отсюда постулат второй: театр - искусство крупных форм. И все «мясо» просто обязано

тяготеть к монументальности. Чтобы зритель и с последних рядов смог разглядеть, что и как. Все-таки, как ни крути, просто картина - это плоскость. А картина подмостков - это объемы. Есть сценическая коробка, и ее нужно заполнить. Художник здесь подобен иллюзионисту - может расширить пространство до размеров Вселенной, а может сжать до объемов казема-та.

Интересный факт - было дело, ушел однажды Илюшин из Театра оперетты. В Театр кукол. Проработал год и... вернулся. Говорит, было интересно, но когда все такое маленькое... Короче говоря, свой Зураб Церетели в каждом из театральных художников должен сидеть всегда. Без права на протест.

И с правом на фантазию. Конечно, искать яркие сценические образы интереснее в драме. Оперетта легче, беззаботнее и... однотипнее. Пейзажи - европейские: Венгрия, Франция, Австрия; краски - жизнерадостные. И обязательный во всех случаях Harry End с воссоединенной любовью и свадьбами. Тем не менее, своего штриха оперетта требует, и тогда в поисках изюминки художник идет от музыки. Кальман - одно оформление, Легар - другое, Штраус - третье. Творениям Короля Вальса больше пристал антураж легкости, воздушности и прозрачности, посему сцена облекается в капрон и тюль, а герои щеголяют в кружевах.

Более колоритным Легару и Кальману подходит живопись. Персонажи не чураются сочных красок в одежде, появляется интересный задник, художник ищет воздух, перспективу... Да, и поменьше тяжелых фактурных тканей. Они забират звук, а звук в оперетте - сами понимаете.

Прибавьте к этому доскональное изучение примет изображаемой эпохи - ведь не выпустить же на сцену Генриха Айзенштайна с обычным граненым стаканом! Гугенотам подавай гугенотово, а грекам - греково. Вот и сидит художник в тиши старинных библиотек, листая исторические книги и мурлыча под нос нечто сообразное моменту: «От Севильи до Гр-р-рена-а-ды в тихом сумр-р-раке ночей...»

Но самое главное в работе художника - это чувство меры. Вспоминая свою работу в «Последнем чардаше», Владимир Илюшин закрывает глаза.

- Место действия - Китай. Фактура - прелесть! И драконы, и цветы яркие, и птицы райские. И такую я на радостях залепил декорацию... Зал взорвался аплодисментами, как только занавес открыли! А как вышли актеры, я затосковал. На фоне задника никого не видно! Я ИХ УБИЛ!!! Зато понял две вещи: художник способен на многое. Но главный на сцене - актер.

В общем, так и получается, что ради них, актеров, сначала художник не спит ночами, выдумывая идеи. Зато потом наступает пора бессонницы у всех остальных бойцов невидимого фронта.

Оч. Умелые Ручки

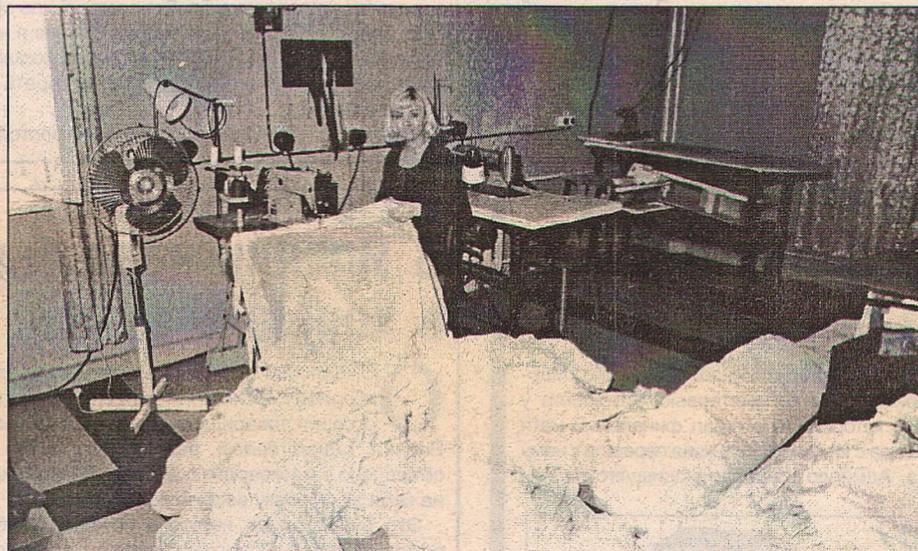
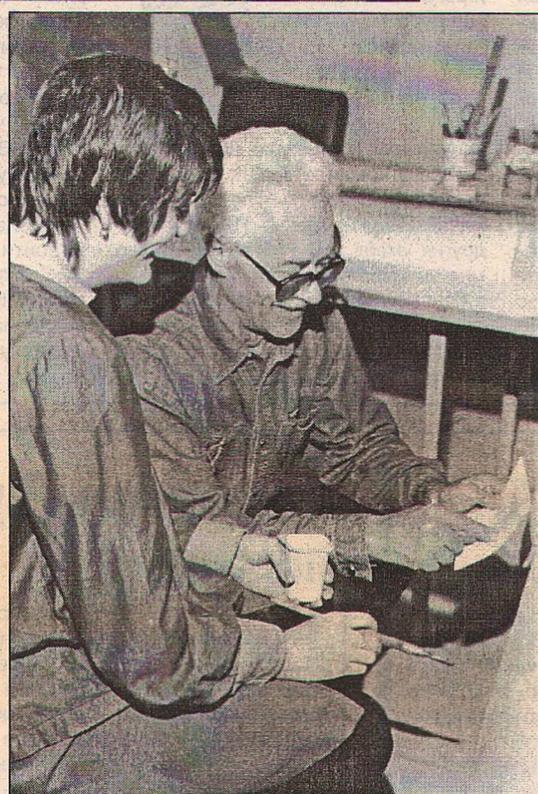
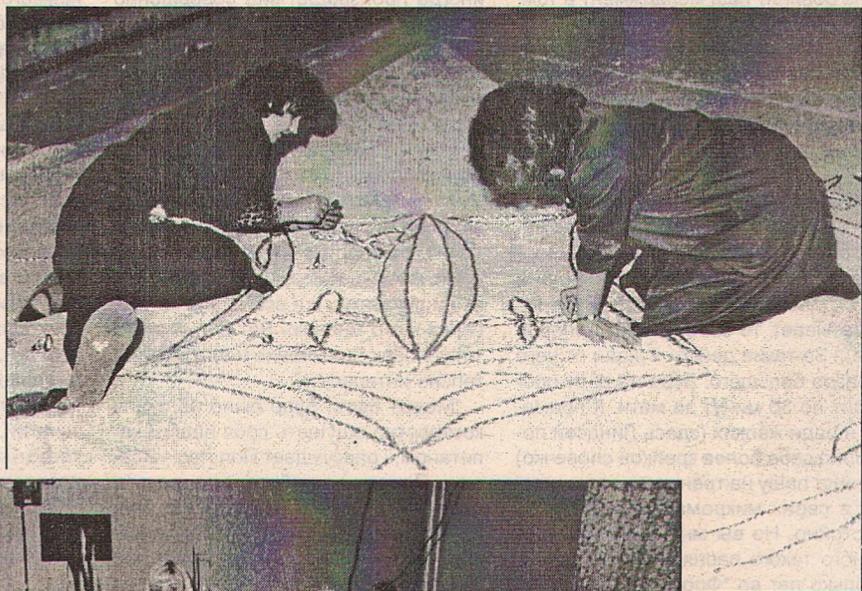
Один известный режиссер в очередной своей постановке требовал, чтобы в комод, куда заглядывает герой, непременно лежали дорогие батистовые платки от Lionelle.

- Зачем?! - недоумевали окружающие. - Ведь актер даже не достает их, только выдвигает ящик. А зрители и подавно не видят никаких платков!

- Да, - парировал режиссер, - зрители не видят. Но как нужно играть героя, который пользуется ТАКИМИ платками!

Театр как раз то место, где героя встречают именно по одежке. Которая проливает свет на его ум, честь и совесть.

О пошиве театрального костюма можно сложить целую многоклетную сагу. Театральные закройщицы и портные могут «изобразить» буквально все - от шкуры мамонта до дворянского колета XVI века или изящного дезабилье века XIX. Проще говоря, от трусов до пальто. Ну нет в природе таких фасонов, которые нельзя было сшить! Попробуйте где-нибудь в городе заказать фрак, да чтобы быстро и по фигуре. Задумались? А в театре фракы шьют «на раз». Как самое незатейливое верхнее платье. Потому

что затейливы-ы-ых... Два дутеньких колесика на плечи, и вы - испанская донья. Смешные «круглые» штанишки в полоску - и французский кавалер. Готовых лекал нет, все «из головы». А уж из чего ЭТО всегда создавалось... Венецианские кружева из марли, велюр - из полотенец ткани, бархат и парча - из мешковины, кожа с замшей - из байки... Сегодня шьют все больше из органзы или велюра настоящего, но «если завтра в поход» - кто знает? - с такими мастерами театр уж точно не пропадет, а зритель получит свой кусочек праздника. Как все театральные работники, в пошивочном цехе склонны к красивым метафорам: «Что можем сделать? Да из черно-белого телевизора - цветной! Из «Рекорда» - «Sony»! Нужны бедра? Сделаем бедра. Тонкая талия? И это тоже можем. Образ дивы с ногами от шеи при росте 160? За-прос-то!»

На примерке актеру велют активно двигаться. Шевелить руками, ногами, приседать и делать выпады. Словом, костюм осваивать. А то:

- Все хорошо?
- Да!

А потом на одно колено перед дамой опустился, а штаны-то - хрясь! - и по шву на самом интересном месте. И бегом за кулисы, штопать.

Еще костюмы расшивают. Естественно, золотом и бриллиантами. Из риса, гороха, овса, бронзовой пыли и оттисков золотой пленки. Как велит солидное руководство Экспериментально-сценической лаборатории при МХАТ имени Горького образца 60-х годов. Зато любую тряпочку здесь за несколько минут могут превратить в настоящее богатое шитье. Или чуть подальше - в обувном цехе - из простецкой кирзы могут сотворить шикарные ботфорты. Между прочим, театральная обувь - тоже штука для знатоков. В одном из спектаклей основным элементом одежды блоншек тульского Левши были бархатные голубые сапожки. Потому что все остальное приходилось на бикини. И нашитые блестящие на обшлагах сапог блестящие что твои бриллианты!

По этому поводу в мастерских тоже есть своя история. Пришли как-то на базу театра дети -

понюхать, так сказать, чем пахнут ремесла. И увидевши все эти Золушкины зерновые приготовления, дружно вынесли вердикт: «Так фуфло, оказывается, это все!»

Смеяться можно сколько хочешь, и не согласиться нельзя - действительно, фуфло. Эрзац. Заменитель. Но отчего же тогда замирает дух, когда в чешуе как жар горя, принц выскакивает на сцену? Когда Золушка теряет хрустальную туфельку? Когда графини и княгини блистают алмазами и сапфирами?

- От закона перспективы! - скажет вам любой физик.

Точно! Театр физику уважает, а потому успешно продолжает имитировать жизнь.

Полет нормальный!

А потом мы с фотографом почувствовали себя как «адын маленький, но гордый птичка». Стоя на самой верхотуре огромного зала, мы со священным ужасом смотрели вниз, осознавая, что гигантский веер какой-нибудь матушки Гаргантюа есть задник к новому спектаклю. А люди, кропотливо его украшающие, - бутафоры. Вообще, бутафоры - это люди, способные обмануть зрителя в два счета. На их совести роскошные корзины с фруктами, вазоны с цветами... да целые скульптурные композиции, чтоб вы знали! Здесь вам сделают и бриллиантовую руку, и костяную ногу. Из поролона, бумаги, клея и картона. Так и то, что нам сверху казалось истинным серебром, внизу превратилось в снопы фольги.

- Дело художника - придумать красоту. А наше дело - чтоб красота держалась!

Красоту здесь делают не только монументальную, но и камерную. Сумочки, шляпки...

- Так ведь еще какая голова попадет! Был у нас один актер, размер, вроде, определили - 58-й, а ни одна шляпа не налезит! Оказалось, у него просто голова круглая!

- А у всех остальных, что же, квадратная?

- Не-ет, - смеются, - у всех остальных эллипс...

После того, как эллипсу подберут шляпку, его носитель поступает в распоряжение парикмахеров. Сотни париков и шиньонов томятся на полках парикмахерского цеха и ждут своего часа. Десятки усов, усов и усов вкупе с бородками, бороденками и бородами лежат в коробочках с фамилиями актеров. Косы и веночки, веера и накладки из настоящих страусовых перьев - вот, что нужно для полета творчества!

Соблюдая театральную традицию, парики и усы не особо мучают достижениями современной техники. Их завивают старыми марсельскими щипцами, нагретыми на конфорке, и оттого духом аристократизма от буклей, эспаньолок и собольих бровей веет за версту. Веет от них и тихим театральным деспотизмом - без предупреждения не краситься, не стричься и не перевоплощаться! Это не лаборатории «Гарнье» потом лихорадочно подбирать шиньон или бороду за двадцать минут до спектакля!

И вот, наконец, спектакль - истинная цель всех театральных усилий. Думаете, здесь, наконец-то, актеры остаются в гордом одиночестве? Отнюдь!

За кулисами бдят монтировщики. Это они заставляют двигаться разные сценические конструкции, поднимают и опускают тяжелую штанкету, и после того, как актриса, эффектно спустившись на ажурных качелях откуда-то с неба, грациозно с них соскакивает, изо всех сил тянут канат, не давая качелям пробить крышу и улететь черт знает куда.

Не дремлют и спецы из электроцеха. По их милости, так звучно стреляют на сцене пушки и пистолы, грохочет гром и объявляет вокзальное радио. А по мановению осветителей сцена то погружается во тьму, то цветет праздничным салютом.

Из образа в образ за 15 минут антракта актеров спорно перевоплощают костюмеры. За крепость декораций в ответе столяры. Все ли нормально, переживает завпост. Все ли в достатке - завхоз.

Даже сцену в театре почитают за живое су-

щество, ибо говорят о ней, как о женщине:

- Я шью одежду сцены.
Не «для чего», а «кому». Ей, сцене, этим подмосткам - которые тоже часть спектакля. Потому что именно они и позволяют актерам вознестись над жизнью реальной, чтобы показать зрителям Чудо.

Порядок в танковых войсках

Знаменитый конферансье Михаил Гаркави любил рассказывать одну историю из театральной жизни 20-х годов.

Давали «Демона» Антона Рубинштейна. Все шло как по маслу, пока действие не достигло кульминации. По замыслу режиссера, Демон должен был слетать с неба на грешную землю в буквальном смысле. Для этой цели во всю длину диагонали сценической коробки натянули канаты. Демон, как полагаются, летит, но в середине пути виснет на канатах, как муха в паутине. Застрял! Проходит минута, две... Демон - ни назад, ни вперед - истерически дергается, режиссер нервничает, зал ждет.

И тут в полной тишине - голос одного из рабочих сцены:

- Петька, ткни его в жопу палкой!..

Зал рухнул.

- Мораль, - говорил Гаркави и понимал указательный палец вверх, - в театре не бывает мелочей. Здесь каждый человек - главный. Возразить нечего. И главное - незачем. Мирровая афористика сказала на это счет все, что можно. И про короля, которого играют придворные. И про крепкий тыл, которым славен авангард. И про подводную часть айсберга, способного потопить «Титаник» скепсиса. И про то, что в сказочном Багдаде всегда будет спокойно.

Слово театральным мастерам.
Парад бойцов невидимого фронта принимали Светлана КОРШУНОВА и Игорь МАЧУЛИН.